

Немецкий художник в московском музее

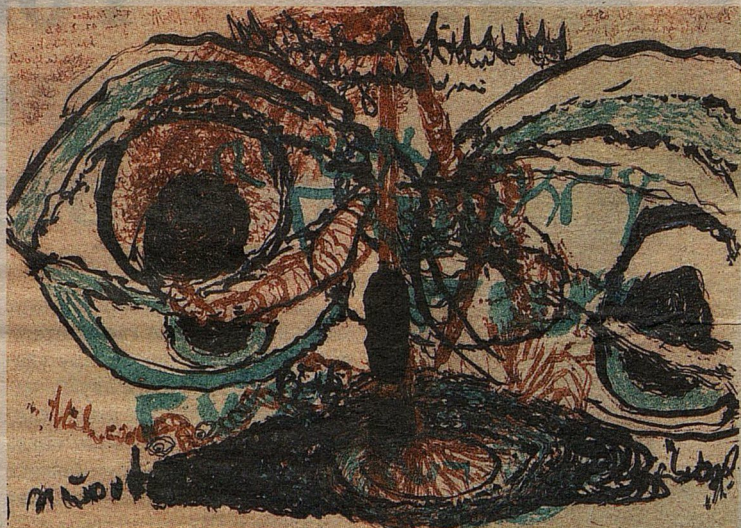
В чем корень слова

Сергей Сафонов

Предполагает ли читатель «Газеты», как может выглядеть изображенный на листе бумаги «Вопрос отношения к природе, базирующийся не на эксплуатации власти и обуздании, а на солидарности с природой»? Вряд ли. Между тем при всей своей кажущейся полной нефигуративности этот самый «вопрос» больше всего напоминает завод постройки начала прошлого века, дымящий на противоположном от зрителя берегу бурной реки. Во всяком случае, такой вывод можно сделать, разглядывая беспредметный офорт немецкого художника Карлфридриха Клауса (1930–1998). Его персональная выставка «Письмо. Знак. Жест» открылась в Государственном музее А.С. Пушкина на Пречистенке.

Несмотря на то что в образе ГМП (банкетки, фонтаны, прозрачные потолки) есть нечто неуловимо лужковско-церетелиевское (не нужно забывать, что это учреждение — столичного подчинения; даже на вернисаже вдоль стены скользнула безмолвная тень господина Худякова, смотрящего за всей московской культурой), под его вывеской время от времени случаются вполне полноценные художественные события. Вот и сейчас: музей германского города Кемница (во времена Германской Демократической Республики — Карл-Маркс-Штадта) катает по городам и весям экспозицию творческого наследия прелюбопытнейшего автора, прежде не имевшего права надеяться на известность за пределами родной ГДР. Но теперь-то время сами знаете как изменилось.

Размещение экспозиции на Пречистенке отчасти оправдано: Карлфридрих Клаус всю жизнь работал со словом, хотя бы и запечатленным сугубо графически. В результате германский музей получил по завещанию автора около 1300 «языко-

Карлфридрих Клаус. Озеленение Земли, 1966. Графит, перо, кисть, тушь черная, синяя, коричневая и зеленая на обеих сторонах папиросной бумаги, 18,7х26,2 см

вых листов», три сотни фонограмм с экспериментами в области «звуковых процессов», а также 22 тысячи писем, адресованных единомышленникам по всему свету: ими карлмаркштадтский отшельник обменивался с деятелями contemporary art в разных уголках мира. Нынешняя московская выставка — своего рода дайджест экспозиции, сложенной музеем для популяризации своего кумира-дарителя, и все-таки она дает шанс составить представление о сфере интересов этого самобытного автора.

Основную часть выставки составляет, если так можно выразиться, станковая графика художника. В основе каждой из композиций — нечто, что может восприниматься и как каллиграфия, и как пример автоматического «телефонного рисования», когда прильнувший к трубке человек непрерывно выводит нечто на случайно попавшемся под руку бумажном листе. Впрочем, композиции Клауса старательно выстроены, а временами даже напоминают восточную графику — например, не датированный лист «Корень слова», где имитирующие буквы тушвые завитушки складывают-

ся в силуэт, напоминающий ствол и ветви дальневосточной сосны. Названия других работ Клауса также выдают филологическую направленность его визуального творчества: «Поэтический синтаксис по отношению к прозе» (1959), «Глагольная структура» (1961–1962), «Палочки букowego дерева? Нет, изображение вокально-согласного сочетания перед дыхательным потоком» (1961). Даже если предположить, что в вынесенных на этикетки названиях присутствует элемент занудства немецко-русских переводчиков, трудно сформулировать суть изображаемого короче.

Вряд ли выставка в ГМП обречена на массовое внимание случайной публики; выступая на вернисаже, знавший Карлфридриха Клауса московский график Леонид Тишков назвал его «художником для художников». И то правда. Тем более важно, что выставка «Письмо. Знак. Жест» состоялась: появляется дополнительный шанс, что в сознании столичного обывателя contemporary art со временем перестанет ассоциироваться исключительно с клоунадой в исполнении «Синих носов».